

ДЭН СУММОНС

ДЭН СИММОНС

ГОРЯЩИЙ ЭДЕМ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
С37

Серия «Вселенная Стивена Кинга»

Dan Simmons
FIRES OF EDEN

Перевод с английского *Г. Шокина*

Печатается с разрешения автора и литературного агентства
Nova Littera SIA, c/o BAROR INTERNATIONAL, INC.,
Armonk, New York, U.S.A.

Симмонс, Дэн.

С37 **Горящий Эдем : [роман] / Дэн Симмонс ; [перевод с английского Г. Шокина]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 480 с. — (Вселенная Стивена Кинга).**

ISBN 978-5-17-160192-8

Элеонора Перри принимает решение отправиться на Гавайи. Почему именно туда? Эти острова овеяны для нее романтическим ореолом — живописная зелень, грозные и прекрасные вулканы, экзотические культы... А кроме того, прабабушка Элеоноры когда-то тоже побывала на Гавайях и даже пережила там довольно опасное приключение в компании со знаменитым писателем Марком Твенном.

Но вскоре туристический рай начинает проявлять свою темную сторону: сначала просыпаются вулканы, затем пропадают туристы, а на пляже появляется черная собака с человеческой рукой в пасти...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Dan Simmons, 1994
© Перевод. Г. Шокин, 2023
© Издание на русском языке AST Publishers,
2024

ISBN 978-5-17-160192-8

ГЛАВА 1

Пеле, о Пеле! Млечный Путь истекает кругом;
Пеле, о Пеле! Ночь превращается в день.
Пеле, о Пеле! Красное зарево над островком;
Пеле, о Пеле! Солнце бросает здесь тень.
Пеле, о Пеле! День разгорается ярко,
В кратере — гром, Канехекили стучит в барабан.
Пеле, о Пеле! Как здесь становится жарко,
Значит, проснешься и явишься вскорости к нам.

«Халихиа ке ау» («Изменчив прилив»)

Все, что слышно поначалу, — вой ветра.

Западный ветер преодолел четыре тысячи миль через бескрайний океан, встречая лишь случайных чаек, сбившихся с курса, пока наконец не ударил по черным лавовым утесам и неуклюжим глыбам застывшей магмы, выстроившимся вдоль почти пустынного юго-западного побережья Большого острова Гавайи. Взбешенный этим препятствием, ветер кричит и воеет между черных скал, его ярость почти заглушает рев прибоя и шелест пальмовых ветвей в искусственном оазисе среди вздыбившейся черной лавы.

На этих островах есть два типа лавы, и их гавайские названия точно описывают разницу: пахоехо обычно старше, становится более гладким и затвердевает, образуя куполообразную или слегка узловатую поверхность; ауа — свежий и зубчатый, края острые как бритва, а их формы напоминают гротескные башни и упавших гаргулий. Пахоехо течет могучими серыми потоками от вулканов к морю вдоль этого участка побережья Южной Кони, но именно

скалы и бескрайние пустыни аюа охраняют девяносто пять миль западной береговой линии подобно черному строю окаменевших воинов.

И вот ветер воет в лабиринтах зазубренных скал, свистит в щелях между столбами аюа, воет в древних шахтах и разъявленных пастях полых лавовых труб. С освежающим ветром приходит ночь. Рассвет прокрался через пустыню к вершине Мауна-Лоа, на высоте четырех километров над уровнем моря. Большая часть могучего щитового вулкана возвышается черным колоссом, закрывая обзор солнца на север и запад. В тридцати милях от него мерцает над темным кратером оранжевый шлейф пепла от невидимых извержений...

— Ну ты как там, Марти? Будешь бить штрафной или нет?

Три фигуры еле различимы в угасающем свете, звук их голосов крадет завывающий ветер. Спроектированное Робертом Трентом Джонсом-младшим поле для гольфа — это узкая извилистая полоса ковровой гладкой зелени, которая вьется через бурный черный аюа на несколько миль вперед. Кругом, выстроившись вдоль фервеев¹, качаются и тоскливо шелестят пальмы. Эта троица — единственные игроки на поле. В поздний час — темно, и огни отеля «Мауна-Пеле» кажутся несоизмеримо далекими от пятнадцатого фервея, где три фигуры стоят, склонив головы друг к другу — так, чтобы хоть что-то можно было услышать за ревом ветра и прибоя. Каждый из мужчин приехал на собственном гольфкаре, и три миниатюрных автомобильчика

¹ Ни главные гольф-организации, ни авторитетные разработчики правил гольфа не предлагают определения понятия «фервей», зато сами игроки часто прибегают к этому термину. Фервей — это часть гольф-лунки, которую можно определить двумя способами: 1) коротко стриженная область лунки, которая проходит между областью-ти и паттинг-грином (кроме лунок пар-3 попасть на фервей — основная цель игры гольфиста); 2) идеальная область приземления мяча при ударе с ти, «тропа», которая ведет игрока от начала и до конца лунки. — *Здесь и далее — прим. пер.*

тоже, кажется, льнут бортик к бортику, силясь укрыться от завывающего ветра.

— Говорю тебе, мяч где-то в чертовых скалах, — говорит Томми Петрессио. Оранжевое вулканическое сияние освещает голые руки и загорелое лицо коренастого мужчины. На Петрессио вязаный гольф в ярко-желтую и красную клетку. Он надвинул кепку на красивое лицо и потягивает толстую холодную сигару.

— Да черта с два он там, — парирует Марти Деурис. Он трет щеки, и полдюжины колец царапают его щетину.

— Ну, на поле его тоже нет, — жалуется Ник Агаджанян. На Нике светло-зеленая рубашка поло, обтягивающая его внушительный живот, а широкие штанины клетчатых шорт заканчиваются на добрых шесть дюймов выше костлявых коленей. Черные гольфы дополняют наряд. — На поле мы бы его давно нашли, — добавляет он. — А здесь только трава и чертовы каменюки — ну точно как засохшее овечьё дерьмо.

— Где ты вообще видел овечьё дерьмо? — спрашивает Томми. Он поворачивается и опирается на свою клюшку.

— Я видел много такого, о чем с ходу кому попало не говорю, — ворчит Ник.

— О да, — откликается Томми, — ты, наверное, вляпался в то самое дерьмо, когда в детстве пытался трахнуть овцу. — Он складывает руки вместе и зажигает спичку в пятой попытке раскурить сигару. Ветер моментально задувает слабый огонек. — Да что за херня...

— Заткнись, — одергивает его Деурис, — и помоги найти мяч.

— Твой мячик в овечьих какашках, — объясняет Томми, все еще давя зубами сигару. — И, положи руку на сердце, твоя идея приехать сюда — тоже то еще говно.

Всей троице чуть за пятьдесят, все трое — спецы по продажам в автосалонах Нью-Джерси, и они годами вме-

сте играют в гольф. Иногда они привозят с собой жен, иногда — деловых партнеров, но в основном держатся особняком.

— Да, — ворчит Ник, — что это за место такое, где людей почти нет, где вулкан под боком и прочее такое фуфло?

Марти делает несколько шагов в бескрайнюю пустыню и тычет клюшкой в скальный разлом.

— Что за разговорчики? — рычит он. — Это самый новый гребаный курортный отель на всех гребаных Гавайях. Это жемчужина империи отелей и казино Тромбо...

— О да, — ухмыляется Томми, — и я слышал, что Крупный Тромб крупно прогорел, вложившись сюда.

— Да хватит ныть! — Марти потихоньку теряет терпение. — Ну-ка подойди и помоги мне найти мяч. — Он ступает меж двух черных блоков лавы, каждый — размером с перевернутый «Фольксваген». Проем между ними устлан песком.

— Да плюнь ты на него, Марти! — кричит ему вдогонку Ник. — Уже темно, я и своей руки не могу разглядеть. — Марти вряд ли слышит его окрик из-за воя ветра и шума прибоя — поля для гольфа лежат к югу от пальмового оазиса в самом сердце гостиничного комплекса, и не далее чем в двадцати ярдах от игроков волны разбиваются о скалы.

— Эй, тут какие-то следы ведут к воде! — кричит в ответ Марти. — А вот и мой... нет, черт, это какие-то перья чаек, ну или...

— Тащи свою задницу сюда и пробивай штрафной! — потребовал Томми. — Мы с Ником туда не полезем. Эта лава чертовски острая.

— Вот-вот! — поддерживает товарища Ник Агаджанян. Теперь за нагромождением отвалов даже желтой кепки для гольфа, сидящей на голове Марти, не видно.

— Этот балбес нас не слышит, — сетует Томми.

— Этот балбес там сейчас потеряется, — говорит Ник. Ветер срывает с него шляпу, и Ник гонится за ней по фервею — наконец ловя ее, когда она врезается в один из просевших под тяжестью амуниции гольф-каров.

Томми Петрессио морщится в ответ.

— На поле для гольфа ты хрен потеряешься, — замечает он.

Ник возвращается к нему, держа в одной руке шляпу, в другой — клюшку.

— Здесь очень легко заблудиться. — Он машет клюшкой в сторону пустыни и скал. — Среди этих дерьмовых каменюк.

Томми подается вперед, сгорбившись, и снова пытается зажечь сигару. Снова терпит неудачу, ругается сквозь зубы.

— Я туда не попрусь, — объявляет Ник. — Не хватало еще копчик себе там отшибить.

— Отшибить-то — хрен с ним, а вот если тебя змея цапнет...

Ник отступает на шаг от груды черной щебенки.

— На Гавайях нет змей. Или есть?

Томми делает небрежный жест.

— Только удавы. И кобры... много кобр...

— Чушь собачья, — говорит Ник без особой уверенности в голосе.

— Видел тех мелких зверюшек на цветочной поляне сегодня днем? Марти еще сказал, что это мангусты.

— Ну да. — Ник оглядывается через плечо. Последний свет дня растворен ночью, и первые звезды уже мерцают далеко над океаном. Огни пансионата кажутся очень тусклыми. Береговая линия на юге полностью поглощена тьмой. На северо-востоке рдеет неярко пламя вулкана. — А что с ними не так?

— Ты хоть знаешь, что жрут мангусты?

— Ягоды и всякое мелкое фуфло?

Томми качает головой.

— Змей. Кобр в основном.

— О, перестань, — говорит Ник и внезапно осекается. — Погоди-ка минутку. Кажется, я смотрел что-то про них по кабельному. Ага, эти горностаи...

— Мангусты.

— Да без разницы. Вроде бы в Индии туристы раскошеливаются, чтобы посмотреть, как в клетку к этим муذاкам кинут кобру, и они ее будут разделявать.

Томми медленно кивает.

— Тут столько змей, что Тромбо и другие владельцы гостиниц завезли мангустов для борьбы с ними. Ты вполне можешь проснуться ночью с удавом на шее и коброй, заглатывающей твой хер.

— Ты гонишь, — настаивает Ник, очевидно нервничая.

Томми прячет сигару в карман рубашки.

— Пора сваливать. Все равно уже ни черта не видно. Если бы мы поехали в Майами, как собирались, всю ночь играли бы на освещенном поле. А вместо этого мы тут. — Он безнадежно машет рукой в сторону лавовых полей и черного вулканического массива вдалеке.

— Ага, в этом гадючем гнезде, — поддерживает Ник. — Думаю, самое время двигать к ближайшему бару.

— Хорошая идея, — соглашается Томми, направляясь к своему гольф-кару. — Если Марти не явится к утру, известим администрацию.

И тут окрестности в первый раз оглашает крик.

Марти Деурис шел по грязной тропе, по песку и сорнякам, меж нагромождений аиа. Он был уверен, что его мяч лежит где-то здесь, и если он найдет его — сможет отбить обратно на фервей и сохранить лицо в этой дерьмовой игре. Да даже если мяча прямо здесь нет, можно его взять, кинуть куда-нибудь сюда — и отбить. Да даже бить по нему особо-то ни к чему — бросил, пнул, и делу край! Ник

и Томми, эта парочка чистоплюев, не пошли за ним — так что пусть поверят на слово, будто он послал его хорошим ударом по идеальной дуге прямо на фервей. И ведь за ним бы не постояло — раньше-то он держал удар крепче некуда.

Черт, а ведь подумай он раньше... не пришлось бы даже искать эту дурацкую пропажу! Марти полез в карман и вытащил новый снаряд — марки «Уилсон Про-Стафф», того же «калибра». Затем он повернулся и замахнулся, чтобы бросить его обратно на поле.

В каком направлении осталось это чертово место?

Среди этих дерьмовых нагромождений лавы он умудрился как-то *заблудиться*. Над головой у него мерцали звезды. Даже та дорожка, что казалась проторенной, пока он шагал по ней сюда, не представляла глазам так ясно, как прежде, и от нее во все стороны разбегались точно такие же тропки — самый настоящий лабиринт.

— Эй! — позвал Марти. Если Томми или Ник откликнется, он просто бросит мяч в направлении голоса.

Но никто не ответил.

— Эй, хватит прикалываться, ущербы. — Теперь Марти заметил, что скалы будто надвинулись на него; рев прибоя зазвучал куда громче. За всем этим ветром и плеском эти идиоты его наверняка сейчас даже не слышат. Эх, надо было соглашаться на Майами! — Эй! — крикнул он еще раз, но голос и для собственных ушей прозвучал слишком слабо. Отвалы шлака здесь достигали четырех метров в высоту и выше, поры лавовой породы освещались оранжевым рдением проклятого вулкана. Туристический агент, помнится, говорил, что в южной части острова есть действующие вулканы, но якобы абсолютно безопасные; сказал он также, что многие специально едут на Большой остров, чтобы увидеть живую извержение. Гавайские вулканы не причиняют никому вреда, это просто громадные фейерверки — да, именно так он и сказал.

«Так вот почему на этом чертовом курорте Тромбо никого нет», — подумал Марти, скрипя на турагента зубами.

— Эй! — снова закричал он.

Слева, со стороны моря, донесся звук, похожий на стон.

— Ах, черт, — прошипел Марти. Конечно, кто-то из этих двух клоунов пошел его искать и сломал ногу. Марти понадеялся, что это Ник; он предпочитал играть с Томми, а провести остаток отпуска в ожидании, пока Агаджанян будет пытаться вышибить мяч из забитой песком лунки, — удовольствие сомнительное.

Снова раздался стон, такой слабый, что его едва ли можно было слышать сквозь прибой и порывы ветра.

— Я иду! — крикнул Марти и направился к морю, лавируя среди лавовых глыб и ощупывая дорогу клюшкой.

Путь занял больше времени, чем он думал. Тот из двух идиотов, кто последовал за ним сюда и вляпался в неприятности, забрел без шуток далеко. Марти просто надеялся, что ему не придется нести этого мудака наверх на руках.

Стон повторился и перешел в какой-то шипящий вздох.

Что, если это не Ник или Томми? — внезапно мелькнуло в его сознании. Ему не улыбалось тащить из лавового лабиринта обратно на площадку какого-то бедолагу, которого он даже не знал. Он приехал на этот чертов остров играть в гольф, а не корчить из себя самаритянина. Если это окажется кто-нибудь из местных, он просто велит заткнуться чертову туземцу, а сам отправится напрямик в бар при своем отеле. Курорт почти пуст, но должен же быть кто-то ответственный, в случае чего, за спасение несчастных ублюдков, сбившихся с пути.

Снова раздался шипящий стон.

— Стой там, где стоишь! — прорычал Марти. Теперь он улавливал тонкие капельки брызг в воздухе. Скалы должны быть очень близко; невысокие скалы, всего шесть-семь метров над водой, — но все равно тут лучше быть начеку.

Вот уж чего этому дерьмовому отпуску не хватало, так только падения вниз головой в Тихий океан.

— Все, я здесь! — выдохнул Марти, когда снова раздался стон, и вышел из-за груды лавы — одной из тех, что обступили небольшой участок открытого пространства. Вышел — да так и застыл на полоске песка.

Да, здесь кто-то был. Точно не Ник и не Томми. И это был уже не живой человек, а труп — Марти сразу это понял; ему доводилось видеть мертвецов. Кто бы ни стонал, это не мог быть этот несчастный.

Фигура была почти обнаженной, только короткий отрез мокрой ткани был обернут вокруг талии. Марти подошел поближе и увидел, что это мужчина — маленький, коренастый, с крепкими, как у бегуна, мускулами икр. Похоже, он пролежал здесь уже долго: кожа резиново-белая, всю разлагающаяся, пальцы похожи на бледных опарышей, которые вот-вот закопаются назад в землю. Было здесь еще несколько подсказок, дававших Марти понять, что он имеет дело не со стонущим: в длинных волосах мужчины прочно запутались водоросли, веки были подняты, один глаз отражал звездный свет, будто стекло, а другой — и вовсе отсутствовал.

Марти подавил позывы к рвоте и сделал еще один шаг вперед, вытянув перед собой клюшку. Теперь он чувствовал запах мертвеца — тошнотворно-сладкую смесь соленой воды и гниения. Волны, должно быть, смыли его сюда, потому что тело зацепилось за выступающий ряд тех маленьких зазубренных лавовых камней, которые выглядели как миниатюрные сталактиты или сталагмиты, или как там эти дурацкие штуки назывались.

Марти легонько постучал по трупу клюшкой, и мертвец слегка пошевелился, тяжело перекатившись на бок — с грацией заполненного морской водой воздушного шара.

— Черт, — прошептал Марти. На спине у человека был горб, как у Квазимодо; кроме этого, все тело чело-

века казалось перекрученным и изломанным, как будто прибой долго швырял его о скалы.

На горбе красовалась замысловатая татуировка.

Марти нагнулся над телом, стараясь не втягивать в себя воздух.

Татуировка изображала акулю пасть, протянувшуюся по спине от одной подмышки до другой. Пасть была распахнута и вся окантована белыми острыми клинышками зубов. Изображение было выполнено с безумной дотошностью — черный провал казался объемным.

«Кто-то из местных», — понял Марти. Что ж, сейчас он вернется, пропустит пару стаканчиков с Томми и Ником, а потом сообщит куда нужно, что-де несчастный Айокуа выпал из своего дрянного каноэ, или на чем тут эти ребята рассекают. Спешить некуда — парню-то все равно уже ничем не поможешь.

Марти выпрямился и постучал по горбу утопленника ударной частью клюшки, ожидая, что металл гулко шлепнется о забитую черной краской увлажненную кожу.

Но «голова» клюшки вдруг *исчезла* в этой нарисованной тьме — будто он сунул ее в какую-то дыру.

— Бляха! — выпалил Марти. Он отдернул клюшку назад. Увы, не так быстро, как следовало бы. Челюсти акулы сомкнулись. Ее острые кипенно-белые зубы лязгнули по рукоятке.

Он потерял несколько драгоценных мгновений, тшась вырвать свой спортивный инвентарь — дорогую модель, марки «Шервуд», — но потом понял, что проигрывает это перетягивание каната и отпустил рукоятку, будто та вдруг накалилась. Он развернулся, готовясь бежать, но не успел и трех шагов сделать, как в скалах впереди что-то мелькнуло.

— Томми? — прошептал он. — Ник? — Даже зовя их по имени, он понимал — это не Ник и уж точно не Томми. В просветах лавовых глыб метались неясные тени.

«Я не буду кричать, — велел себе Марти, но почувствовал, как его мужество утекает вместе с мочой по штанине. — Я не закричу. Всего этого не может быть. Это какой-то глупый розыгрыш — вроде того, как Томми однажды подослал ко мне на день рождения проститутку, наряженную как офицер полиции. Нет, вопить нет смысла».

Но когда зубы акулы сомкнулись на его лодыжке, Марти все-таки завопил.

Томми и Ник уже стоят у своих гольф-каров, когда до их ушей доносятся крики. Они останавливаются, вслушиваются. Ветер ревет так громко, что кричащий, должно быть, напрягает легкие с ужасной силой — раз его все еще слышно.

Томми поворачивается к Нику.

— Наш мудака, верно, ногу сломал, — замечает он.

— Или же его змея цапнула, — опасливо предполагает Ник, чье лицо в отблеске вулканического света выглядит мертвенным.

Томми извлекает из кармана злополучную сигару, закусывает.

— На Гавайях нет змей, балда. Я над тобой подшутил.

Ник мечет в него свирепый взгляд.

Томми вздыхает и направляется к лавовому лабиринту.

— Алло! — окликает его Ник. — Ты серьезно хочешь вляпаться в тамошнее овечье дерьмо?

Томми останавливается на краю поля.

— А ты что предлагаешь — просто бросить его?

Ник на мгновение задумывается.

— Может быть, нам следует обратиться за помощью?

Томми корчит кислую мину.

— Ага, а потом мы такие возвращаемся с подмогой, не находим его этой ночью из-за проклятой тьмы, к утру его уже уносит на хрен в море. Мы возвращаемся, говорим его